

Георгий Чулков

Сулус

Георгий Чулков

Сулус

«Public Domain»

1908

Чулков Г. И.

Сулус / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1908

Произведение Г.И. Чулкова «Сулус» рассказывает о таежной жизни.

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Георгий Иванович Чулков

Сулус

I

У нея – косые глаза и толстые губы, и якутскія скулы круглятся, какъ два яблока, на матовомъ лицѣ. Но что-то пріятное свѣтится и въ ея глазахъ, и въ нескромныхъ губахъ, и пріятно смотрѣть на ея молодую грудь.

Теперь лѣто, и она ѣдетъ на луговину верхомъ на быкѣ съ важностью, какъ настоящая хозяйка-хотунъ, – но все это вздоръ: у нея нѣтъ мужа, ей четырнадцать лѣтъ и она еще не спала ни съ однимъ парнемъ. Изъ подъ бѣлой рубахи видны полныя икры, запыленные золою камелька. Она бьетъ голыми пятками быка и тянетъ его за поводъ, прoderнутый черезъ ноздри.

Сегодня – лѣто, третьяго дня была весна, а дней пять тому назадъ повсюду еще лежалъ снѣгъ, и на Медвѣжій Косогоръ нельзя было взобраться: такъ онъ весь обледенѣлъ. Теперь на косогорѣ цвѣтеть жара и весь онъ зачервонился.

Пять дней тому назадъ мы еще ходили въ камосахъ, въ зайцѣ, прятали носъ въ майтрукъ. Вдругъ изъ-за рѣки поднялось ярое солнце. Было весело слушать, какъ звенѣла и ухала весна.

На берегахъ тянулись вверхъ ледяные сталактиты, таяли и летѣли паромъ вдоль по течению, а межъ камней что-то плескалось и смѣялось: какъ будто какое-то пѣнное русалочье отродье разыгралось на новомъ солнцѣ.

Какъ будто судьба развязала широколетныя крылья весенней птицѣ, – и вотъ она освобожденными. крыльями шумитъ надъ нами.

Когда я выползалъ изъ моей юрты на свѣтъ Божій, сердце сладостно ныло отъ любви. Идешь по сырой землѣ – и глупо, и стыдно отъ весенняго чувства. Одинъ разъ, спускаясь къ рѣкѣ, я упалъ на влажную землю и весь испачкался грязью, нечаянно провелъ рукой по лицу, и на лицѣ осталась темная полоса; и было смѣшно и радостно это весеннее паденье.

Теперь земля уже сухая, ее обвѣвають тонкіе запахи молодыхъ травъ, и когда я зашелъ въ юрту Захара, мнѣ было странно услышать иной мертвый запахъ: тамъ лежитъ тѣло его жены: она вчера умерла въ родахъ.

Покойницу обернули въ холстъ и повезутъ къ отцу Николаю: это верстъ за восемьдесятъ. Повезутъ на быкахъ, медленно. По дорогѣ на станкахъ будутъ ѣсть лепешки, похожія на землю, и пить зеленую, пьяную арги. На другой телѣгѣ повезутъ теленка. Это – отцу Николаю за потребу.

Но Богъ съ ней, со смертью!

Въ ста шагахъ отъ меня лежитъ озеро. Оно темно зеленѣетъ, а вокругъ него вѣнкомъ плетутся таежные ирисы, блѣдные и больные.

Еще недавно озеро было покрыто льдомъ, и мы ловили на немъ рыбу, прорубая проруби и протаскивая неводъ подъ водой. Наловивъ рыбы, якуты плясали съ якутками, тутъ же на льду, попарно, и опьяняли себя монотонной и жуткой пѣсней.

Я видѣлъ Сулусъ. На ней была кухлянка съ узоромъ на подолѣ. Проходя мимо, она слегка толкнула меня локтемъ и щелкнула языкомъ, какъ хорошая сѣверная дикарка.

Я живу здѣсь уже пять лѣтъ, но замѣтилъ Сулусъ только въ прошломъ году. Она тогда была совѣмъ дѣвченкой, сидѣла передъ камелькомъ нагая, посреди другихъ голыхъ ребятъ, грѣла у огня свои темныя бедра. Я подарилъ ей баночку засахаренныхъ грушъ, которую мнѣ привезъ товарищъ изъ города, и она тотчасъ же ихъ всѣ съѣла, забавно облизывая губы и выставляя бѣлые и четкіе зубы.

Сулусъ значитъ звѣзда. И въ часъ ночной, въ часъ звѣздный, когда я смотрю на сѣверное небо, я вспоминаю о моей Сулусъ.

Она немного понимает по-русски, и когда я говорю ей: «я тебя люблю, Сулусь!» – она смѣшно шевелит пальцами и такъ сверкаетъ своими косыми глазами, что кажется, будто она хочетъ меня съѣсть.

У Захара умерла жена, и теперь у него въ домѣ только одна Сулусь и работники. Захаръ не изъ очень богатыхъ, но все таки тойонъ: сидитъ у камелька, лѣнится и куритъ трубку. Лицо у него безбородое, безусое, и онъ ужасно похожъ на Ренана, если вѣрить гравюрѣ, какую я видѣлъ въ одной книгѣ.

Захаръ настоящій якутъ: онъ любитъ поговорить и послушать. Когда я встрѣчаюсь съ нимъ, онъ по обычаю говоритъ: «капсе, дагоръ», – что значитъ: «разсказывай, пріятель!» – и вотъ я разсказываю ему о томъ, что дѣлается по ту сторону Амги, потому что я часто уѣзжаю туда охотиться. Иногда я привожу ему лисицу, и онъ ласково треплетъ меня по плечу и называетъ меня большимъ господиномъ, но при этомъ прибавляетъ: «А все таки я не отдамъ тебѣ моей Сулусь: у тебя нѣтъ ни одного оленя, ни одной коровы, ни одного быка, ни одной лошади. Ты многому научился, но ты не приносишь людямъ пользы, ты не ходишь къ людямъ, когда они тебя зовутъ. Ты недобрый человекъ, и, если ты привезешь мнѣ двѣсти лисицъ, то и тогда я не отдамъ тебѣ моей Сулусь».

Я не слушаю его глупой болтовни и дѣлаю знакъ Сулусь. Она выходитъ вслѣдъ за мной, и мы идемъ, прислушиваясь къ звѣздамъ, которыя звенятъ и поютъ въ небѣ, какъ будто пьянѣя отъ высоты.

Какъ пріятно ступать по лѣтней теплой землѣ и чувствовать рядомъ это молодое дикое тѣло, такое же пряное и живое, какъ земля. А когда она внезапно убѣгаетъ отъ меня, и я одинъ иду по лунной тропѣ, я думаю о прошломъ, и оно кажется мнѣ почему-то прекраснымъ и мнѣ опять хочется пережить его. Кажется цѣловать бы безъ конца край золотой ткани, странной неумолимой завѣсы, за которой таятся былые дни.

И говоришь себѣ: «Почему ты не пилъ до дна этой пьяной чаши? Почему не любилъ такъ, какъ могъ бы любить?»

Все кажется неизъяснимо милымъ: каждое движеніе, каждое слово, звукъ голоса, бѣлый узоръ шитый гладью тамъ, гдѣ смугло розовѣетъ прекрасная грудь...

А теперь – эта неразумная Сулусь, съ движеніями звѣрка, эта молодая таежная поросль. Зачаруетъ-ли она меня такъ, чтобы забылъ я прошлое?

Боже мой, какая пылающая рана! Какая мука! И вотъ я оскверненъ ложью, и я знаю, что придутъ дни, и придетъ она – Владычица – въ своей парчевой одеждѣ и повлечетъ за собою на вѣчный судъ, – и тамъ, на тропахъ иныхъ, встрѣчусь я съ той, кому не до конца сказалъ правду.

Какъ посмотрю я тогда въ ея нетлѣнные глаза? Простить-ли она меня? Пойметъ ли?

Но пусть! Пусть! Я передъ Богомъ любилъ тебя. Пусть я погибну, но я не могъ сказать тебѣ всего.

Я представляю себѣ тотъ часъ, когда мы разстались съ ней.

Вотъ эти городскія комнаты; въ нихъ она жила; она касалась этихъ мертвыхъ вещей, и онѣ оживали въ ея рукахъ; она смотрѣла на эти гравюры, и онѣ казались необычайными; она читала эти книги, и отъ нихъ вѣяло мудростью и красотой.

Ну что жъ ея нѣтъ теперь со мной, – но, вѣдь, со мной Сулусь: развѣ Сулусь не прекрасна? Развѣ она не похожа на дикую и милую лань?

II

На разстояніи пятидесяти шаговъ отъ моей юрты стоитъ изба доктора. Его жена – блѣдная, измученная женщина съ веснушками на лицѣ и съ огромными, прекрасными глазами. Ей кажется, что трудно жить въ тайгѣ; если бы не мужъ и дѣти, она бросила бы эту избу и поѣхала бы куда-нибудь на югъ. Какъ подумаешь только, что пройдетъ мѣсяць-другой и наступитъ морозъ въ пятьдесятъ градусовъ, на душѣ становится холодно. А на югѣ будутъ пышно и сладостно цвѣсти розы, и будетъ вѣять запахъ миндальныхъ деревьевъ и морской соли. Боже мой! Поневолѣ пойдешь къ себѣ въ комнату, запрешь двери, и станешь пить вино, любуясь своимъ тѣломъ. Правда, лицо увяло, но тѣло еще прелестно. Милое мое тѣло! Какъ знакома каждая линія! Въ туманѣ вина оно кажется еще прекраснѣе. И какъ страшно подумать, что никто не знаетъ его красоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.